ЛОЖЬ И ПРАВДА.

Знаю я, знаете и вы не хуже меня, что ложь ни куда ни годится; а правда дороже и чище золота; однако потолковать объ этомъ все–таки можно. Есть и такіе, что говорятъ: живутъ же люди неправдой, а намъ не лопнуть стать!

Не одинакова ложь, не одинакова и правда. Напримѣръ: стояли мы нынѣ въ караулѣ, да Мосейка рыжій, 3–го капральства, изъ евреевъ, стоя на часахъ подлѣ печи въ арестантской, приклонилъ–было буйну голову, да вздремнулъ. Унтеръ заглянулъ въ арестантскую, видитъ, Мосейка что–то больно носъ повѣсилъ. «Мосейка! никакъ дремлешь ты?» а Мосейка въ отвѣтъ, оправившись, да кашлянувъ; «ни какъ нѣтъ, не дремлю!»

Утромъ, передъ смѣной, барабанщикъ нашъ Титовъ стоялъ на махалѣ. Ѣдетъ дежурный по карауламъ. Онъ какъ–то не доглядѣлъ, прозѣвалъ караулъ, не успѣлъ

выскочить вовремя; стали добираться до виноватаго. Часовой говоритъ: «не я прозевалъ — махальный;» а махальный Титовъ, чѣмъ бы ему молвить русское слово: виноватъ, самъ хочетъ правымъ остаться, да повиноватить другаго, божится, клянется; «махалъ», говоритъ, «и кричалъ ему, да онъ не видалъ, и не слыхалъ.» Эта ложь хуже первой: Мосейка совралъ въ свою голову, а Титовъ уже не жалѣетъ и другаго, быть–бы только правымъ ему. Мосейка виноватъ, что сказалъ: не дремлю, а самъ дремалъ, а Титовъ виноватъ вдесятеро, что зарекся и сложилъ съ себя вину на другаго.

Есть врали и такіе, что врутъ безъ пути, безъ толку, безъ нужды. У насъ былъ мастеровой слесарь, и по шерсти собакѣ кличку дали: бывало, никто не назоветъ его Андреемъ, а всѣ зовутъ: Андрюха–повируха. Коли скажетъ, что былъ сегодня тамъ–то, видѣлъ то–то, ужъ и знай, что не былъ и не видалъ. Бывало, что день, то у него на языкѣ обнова: то ночью къ нему домовой приходилъ, сказки сказывалъ ему,

либо водяной въ болото манилъ, не то лѣшій обошелъ его да съ пути сманилъ; либо во снѣ видѣлъ, гдѣ кладъ лежитъ. А самъ о себѣ сказываетъ Андрюха–повируха, что онъ роду не простаго, княжескаго, да въ подушный окладъ попалъ невзначай, а въ солдаты пошелъ охотою, за барина своего, которому, слышь, доставалось было по очереди; а мать у него, у Андрюшки, была воеводская, боярская дочь, и скоро пріѣдетъ за нимъ, возьметъ его изъ полка; а самъ онъ, Андрюшка, всякое художество знаетъ: и золото умѣетъ дѣлать изъ сѣры, мѣлу и олова, а серебро изо ртути; словомъ, нельзя того ни выдумать, ни пересказать, чего бы не вралъ нашъ Андрюха. А коли народъ, вокругъ его стоя, захохочетъ, а иной еще скажетъ ему и дурака, — плюнетъ да отойдетъ, такъ Андрюха бранится, божится, клянется и крестится. Ну сами скажите, ребята, чего такой молодецъ стоитъ и куда онъ годится? Въ три года службы доврался до того, что ни малый, ни великій, ни кто, отъ полковника и до послѣдняго фурлейта, не

стали ему вѣрить, хоть и случится невзначай правду молвить. Кто хотѣлъ, тотъ его и обижалъ; не было на него и суда; придетъ, бывало, просить на того ли, на другаго, а его прямо въ–зашей и гонятъ: «врешь, повируха, пошелъ!»

А благочестивый, правдивый солдатъ, который, родясь, неправды не вымолвилъ, достоинъ чести и уваженія товарищей, командировъ и всѣхъ добрыхъ людей. Слушайте что разскажу я вамъ для примѣра.

Стояли мы съ полкомъ въ Молдавіи, и былъ въ полку нашемъ, какъ и всюду, всякій народъ: были трезвые, славные солдаты, были ребята средней руки, были и ледащіе, были старые солдаты, были и молодые. Однажды мужики приводятъ связаннаго солдата, съ поличнымъ, говорятъ, что укралъ–было съ господскаго двора, ночью, ларецъ съ деньгами; вора поймали на улицѣ, на побѣгѣ, и ящикъ нашли тутъ же подлѣ него, когда онъ кинулъ его, чтобы уйти. Что тутъ дѣлать и какъ быть? Улика на глаза, вора поймали;

человѣкъ съ пять дворовыхъ кинулись за нимъ, видѣли какъ онъ бѣжалъ, и хоть было и темно, слышали, какъ кинулъ онъ ларецъ, и нашли его тутъ же. Солдатъ этотъ былъ, почитай, рекрутъ, всего только два года на службѣ; парень, кажись, тихой, смирной, а попался вотъ въ какомъ дѣлѣ! Сдѣлали слѣдствіе, обвинили, отдали подъ судъ и совсѣмъ–было приговорили его прогнать сквозь строй. Сиротинъ, а его звали Сиротинымъ, стоитъ, сердечный, на первомъ своемъ показаніи: не я да не я; да улика на лицо, и оправдаться не чѣмъ. Сиротинъ говоритъ: «Не я воръ, видитъ Богъ, не я; съ вечера, когда, какъ сказываете, украли ларецъ, пошелъ я рыбачить и просился у капральнаго; какъ только смерклось совсѣмъ, пошелъ я на свою квартиру, да путемъ, подъ горой, нашелъ ларецъ разбитый, порожній; я поднялъ его и понесъ, хотѣлъ объявить начальству, что нашелъ; иду, за мною какой–то человѣкъ; вдругъ закричалъ онъ: караулъ! держите, держите! — кинулся на меня; я оробѣлъ, испугался такъ, что

вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, кинулъ ларецъ и побѣжалъ.» Такъ сказывалъ дѣло Сиротинъ; да не то говорили судьи: «пойманъ съ поличнымъ, такъ и виноватъ». Тѣмъ часомъ солдатъ того же нашего полка, да только другаго баталіона, Ѳедоръ Сердешниковъ, услышалъ про бѣду Сиротина, что ребята промежъ собой поговариваютъ: жаль парня, кажись смирный и хорошій былъ человѣкъ, а вонъ въ какую пустился! Ѳедоръ Сердешниковъ и спросилъ у нихъ: «да который это у васъ Сиротинъ, не тотъ ли, что гребенки работаетъ? — Тотъ самый — «А ларецъ–этъ о которую пору унесли, за–свѣтло? говорите?» — За–свѣтло. — «Коли такъ, молвилъ Сердешниковъ, такъ погоди, ребята, надо итти къ капитану, чтобы приказалъ мнѣ явиться въ военный судъ. Сиротинъ не виноватъ, самъ я видѣлъ его, какъ приходилъ въ штабъ квартиру за приказаніями и дожидался поболѣ часу на горѣ, у канцеляріи; самъ видѣлъ я его, что сидѣлъ на пруду, да рыбачилъ, и не сходилъ онъ съ мѣста, поколѣ уже вовсе

смерклось: тогда я пошелъ домой и не знаю, что больше было.»

Сердешниковъ явился въ военный судъ и доложилъ, что Сиротинъ до самыхъ сумерокъ рыбачилъ, не сходилъ съ мѣста. Ѳедоръ Сердешниковъ служилъ двадцать три года; въ 23 года человѣка узнать можно хорошо; его всѣ начальники, до самого полковаго командира, знали какъ перваго и лучшаго солдата въ полку. Баталіонный командиръ, который о ту пору былъ презусомъ военнаго суда, и самъ полковникъ, и всѣ офицеры поручились, что коли Ѳедоръ Сердешниковъ сказалъ: дѣло было такъ и такъ, то уже не спрашивай, не допрашивай больше, и знай, что какъ Сердешниковъ сказалъ, такъ оно и было. Военный судъ пріостановился приговоромъ, сталъ снова сличать да разбирать дѣло. И нашли, что коли Сиротинъ рыбачилъ до самыхъ сумерокъ, а сумерки въ лѣтнюю пору бываютъ тамъ около девятаго въ исходѣ, то не могъ онъ украсть ларецъ въ седьмомъ часу; вспомнили также, что его поймали съ

порожнимъ ящикомъ; а коли онъ бы и самъ его разбилъ, да вынулъ деньги, такъ, кажись, не за чѣмъ было бы послѣ носиться съ поломаннымъ ларцемъ. Вспомнили еще, что разжалованный въ нестроевые Курской воръ, который дуетъ мѣхами на полковой кузницѣ, ходилъ по вечеру на господскій дворъ за углями, что онъ послѣ того долго пропадалъ и, воротившись, сплелъ какую–то сказку; спохватились, что онъ нынѣ сталъ что–то не въ мѣру погуливать, — взялись за него, онъ и сознался, что унесъ на господскомъ дворѣ ларецъ; а бѣдный Сиротинъ цѣлыя сутки плакалъ отъ радости, когда призвали его и объявили ему, что онъ оправданъ и что вора нашли.

Вотъ чего стоитъ одно слово правдиваго солдата, который ни обмануть, ни солгать не умѣетъ, а говоритъ всегда и вездѣ одну только правду! Вотъ какое заслужилъ онъ довѣріе у начальства своего, что коли скажетъ одно слово, то на немъ хоть терема клади, знаютъ, что слово Ѳедора Сердешникова свято и крѣпко — и слово

это спасло бѣднаго Сиротина отъ напраслины, за которую онъ бы плакался весь свой вѣкъ, и судьи отвѣчали бы Богу и Государю за свою ошибку.

Правда — кусъ заработанный, ложь — краденый.

***

Какова рѣзва ни будь ложь, а отъ правды не уйдетъ.

***

Враньемъ, говорятъ, пол–свѣта пройдешь, да назадъ не воротишься.

***

Всякій правду хвалитъ, да не всякій знаетъ.

***

Держись за правду, будутъ за тебя держаться всѣ добрые люди.